

11. ГАСДАО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 28-а. – Л. 14–15.
12. ГАСДАО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 346. – Л. 95–97.
13. ГАСДАО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 74–75.
14. ГАСДАО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 427. – Л. 122–123.
15. ГАСДАО. – Ф. 386. – Оп. 2. – Д. 93а. – Т. II. – Л. 383.
16. Коммунист. – 1928. – № 125 (3055). – С. 3.

References

1. *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. Nizhne-Volzhskij rajon. Otdel II: Zanjatija. Otdel'nyj ottisk tablichnoj chasti.* Moscow, 1929, vol. XX, pp. 448–449.
2. *Gosudarstvennyj arhiv sovremennoj dokumentacii Astrahanskoj oblasti (GASDAO).* F. 1, Op. 1, D. 145, L. 19–20.
3. *GASDAO.* F. 1, Op. 1, D. 1656, L. 3.
4. *GASDAO.* F. 1, Op. 1, D. 229, L. 71–72.
5. *GASDAO.* F. 1, Op. 2, D. 220, L. 33.
6. *GASDAO.* F. 15, Op. 1, D. 25, L. 26.
7. *GASDAO.* F. 15, Op. 1, D. 25, L. 27.
8. *GASDAO.* F. 26, Op. 1, D. 4, L. 18.
9. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 178, L. 28–29.
10. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 178, L. 30–31.
11. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 28-а, L. 14–15.
12. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 346, L. 95–97.
13. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 40, L. 74–75.
14. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 427, L. 122–123.
15. *GASDAO.* F. 386, Op. 2, D. 93а, vol. II, L. 383.
16. *Kommunist.* 1928, no. 125 (3055), p. 3.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Тюрин Алексей Олегович, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Тагищева, 20а
E-mail: tualol1977@yahoo.com

Важнейшим событием в общественной жизни Советского Союза во второй половине 1930-х гг. стали политические процессы над бывшими руководителями страны и высшим командным составом армии. Целью нашей статьи является изучение влияния политических процессов на повседневную жизнь горожан. В статье проанализированы материалы протоколов общих собраний, отдельные диалоги, высказывания и переписка горожан, рассмотрены отношения городского населения к участникам процессов, показаны используемые повседневные практики для разрешения конфликтных ситуаций. В результате можно заключить следующее: несмотря на одностороннее освещение судебных заседаний и хода расследования отношение горожан к личностям участников процессов было неоднозначным и варьировалось от поддержки обвинительной стороны до признания невиновности обвиняемых и фальсификации их показаний. Следовательно, большинство населения не поддерживало сторону государственного обвинения, т.е. курс власти. Несмотря на разность позиций, многие горожане поддержали практику «разоблачений» и доносительства при выявлении сторонников обвиняемых в регионах. Более того, население активно использовало сложившуюся ситуацию в ходе процессов для решения своих повседневных проблем и тем самым способствовало раскручиванию маховика массовых репрессий.

Ключевые слова: политические процессы, репрессии, повседневность, горожане, власть, пролетариат, политические митинги и собрания, провинция, Нижневолжский регион.

THE STATE TRIALS AND EVERYDAY LIFE OF THE CITIZENS IN THE SECOND HALF OF 1930-ies

Tyurin Alexey O., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: tualol1977@yahoo.com

The state trials of the former leaders of the state and the generalship were the most significant events in the Soviet social life in the second half of 1930-ies. The article studies the influence of the state trials on the everyday life of the citizens. The study analyses the records of general meetings, some dialogues, comments and correspondence of the citizens; it considers the attitude of the urban population towards the participants of the processes, illustrates the methods used for conflict resolution. As a result the author reaches the following conclusion: the attitude of the citizens towards the participants of the state trials was complex, ranging from support of the prosecution up to standing for guiltlessness of the accused. Consequently, the popular majority didn't favour the government and the party line. Nevertheless, a great many of citizens fell in with the practice of "exposure" and whistleblowing while detecting sympathizers of the accused in the regions. Moreover, the population took advantage of the situation coming from the processes in solving their daily problems, thereby contributing to the escalation of mass repressions.

Keywords: *State trials, Repressions, Everyday life, Citizens, Government, Proletariat, Political meetings and gatherings, the provinces, Lower Volga region.*

Политические процессы 1920–1930-х гг. являются одной из трагических страниц отечественной истории. Эти события сопровождалось крупными политическими акциями (демонстрации, митинги и собрания), а также «усилением бдительности», «чисткой рядов», «разоблачениями замаскировавшихся чуждых элементов и врагов» в регионах страны. В это время в повседневном обиходе все чаще используются термины *меньшевик, кулак, эсер, «бывший», «правый»* и т.д., которые давали статусную характеристику человеку, а впоследствии вылились в емкое определение «враг народа».

Вершиной показательных политических процессов стали события второй половины 1930-х гг. Они, как и предыдущие, были призваны решить сразу несколько задач, одной из которых было окончательное укрепление власти И. Сталина, вплоть до физического уничтожения бывших лидеров ВКП(б) разных уровней. Эти события явились катализатором массовых репрессий среди советского населения, которое в очередной раз стало пополнять стройки ГУЛАГа.

В связи с этим целью нашей статьи является изучение влияния политических процессов второй половины 1930-х гг. на повседневную жизнь горожан. Для достижения поставленной цели потребуется решить ряд задач. Во-первых, рассмотреть участие городского населения в данных событиях, проанализировать отношение трудящихся к ходу политических процессов и его участникам, показать используемые повседневные практики горожан на фоне политических процессов.

Показательные судебные процессы над бывшими партийными, государственными руководителями и высшим командным составом РККА использовались властью в системе политической пропаганды и образования. Во второй половине 1930-х гг. многие трудящиеся посещали подобные занятия. На них пропагандисты подвергали жесткой критике теоретические взгляды подсудимых, рассматривая их как изначально неверными и враждебными существующему строю. На предприятиях и организациях в течение рабочего дня агитаторы освещали ход судебных разбирательств, зачитывая газеты и разъясняя официальную позицию власти.

Как и ранее, так и во второй половине 1930-х гг. власти требовалось всеобщее порицание действий подсудимых и всенародная поддержка стороны обвинения. В связи с этим на большинстве предприятий и организаций проходили митинги и собрания, посвященные политическим процессам.

В конце этих мероприятий принимались итоговые резолюции и постановления. В Астрахани в апреле 1937 г. состоялось общее собрание инженерно-технических служащих бондарного завода им. Ф. Дзержинского. На нем рассматривался вопрос «Об исключении из ВКП(б) правых отщепенцев Бухарина и Рыкова». Участники собрания единогласно постановили: «Одобрить решение мартовского пленума и считать исключение Бухарина и Рыкова правильным» [4, л. 120].

Служащий Саратовского водного управления здравоохранения подвел итог собрания, который выразился в следующем постановлении: «Мы выражаем свое публичное презрение негодяям: Троцкому, Зиновьеву, Каменеву и всей их контрреволюционной банде. Мы просим применить высшую меру социальной защиты» [6, л. 12].

Резолюция общезаводского митинга рабочих и служащих завода безалкогольных напитков в Астрахани гласила: «Заслушав сообщение прокуратуры СССР об окончании следствия и предании суду Тухачевского, Якира, Уборевича и т.д., а также приговора Военной коллегии – к расстрелу всех подсудимых, мы полны чувства возмущения и гнева, и величайшей ненависти к заклётым врагам народа...» [16, л. 81].

Митинги были достаточно многочисленны, что обязательно фиксировалось в отчетах. В Саратове в 1938 г. количество митингов, посвященных сообщению прокуратуры СССР о привлечении к суду военной коллегией СССР право-троцкистского блока, было следующим: в Октябрьском районе состоялся 91 митинг, на которых присутствовало около 30 тыс. чел., во Фрунзенском районе состоялось 30 митингов, на которых присутствовало около 15 тыс. чел. Аналогичная картина наблюдалась в других районах города [9, л. 50].

На митинге рабочих и служащих Трусовской районной конторы торговли и питания Астрахани по сообщению «О разоблачении троцкистско-бухаринского блока» присутствовало 198 человек. В итоговой резолюции митинга сказано: «Эти мерзавцы делали все, для того чтобы, свергнуть Советскую власть и ликвидировать диктатуру пролетариата... Мы требуем от Советского суда применить к взбесившимся фашистским псам самую суровую кару – расстрел!» [18, л. 20].

Митинги и собрания сопровождалось яркими эмоциональными выступлениями представителей разных социальных и возрастных групп горожан, что также должно было подчеркнуть единство всего народа с линией власти.

В 1938 г. в Саратове на одном из общих собраний семидесятилетних горожанин говорил: «По сообщениям прокуратуры стало ясно, что остатки подлых врагов народа в лице Бухарина и Рыкова хотели захватить в свои лапы цветущий Дальневосточный край и расчленив СССР». Помощник машиниста в Саратове прямо заявлял: «Я требую уничтожения презренных гадов и считаю, что мое предложение поддержат рабочие» [9, л. 50, 54].

На митинге домохозяйка выступающая говорила: «Я должна сказать, что мы домохозяйки не испугались врагов народа». Другая ее поддерживала: «Я не могу говорить, я хочу только одного. Мы должны уничтожить всех врагов народа». На митинге коллектива студентов и преподавательского состава Саратовского финансово-экономического института докладчик закрывал собрание стихотворением [6, л. 58, 119]:

Народы растите исполнены силы,
Разите врагов, как батыр – Ворошилов,
Храните страну от проклятых гадюк.
Как свято хранит ее сталинский друг.
Кого воспитали наш Ленин и Сталин,
Кто тверд и суров, как отлитый из стали,
Кто барсов отважней и зорче орлов
Любимец страны, черноглазый Ежов!

Многие горожане, следившие за политическими процессами, искренне верили в виновность подсудимых. Об этом они делились в своей переписке. Приведем выдержки из письма солдата-астраханца, служившего в 1937 г. на Дальнем Востоке и переписывавшегося со своим бывшим наставником: «Да, Петр Иванович, враги есть

езде, ведите с ними настоящую большевистскую борьбу. Я думаю, что Вы уже слышали, что Блюхер оказался сукин сын и мерзавец» [22, л. 16].

В следующем письме он рассказывал о внутренних врагах в своем военном округе: «В одном из твоих писем, ты спрашиваешь: "Я по газетным материалам вижу, что приморской группой командует Левандовский?". Да, он командовал, но сейчас он оказался самым злейшим врагом народа... и этого врага мы просмотрели раньше, да еще и внедряли его вражеские методы... мы единодушно встретим тот приговор, который будет самым суровым для всех врагов "правотроцкистского центра"» [22, л. 78].

В целом, по информации рассмотренных отчетов подавляющее большинство горожан знало о ходе и сути политических процессов. Многие принимали участие в митингах и собраниях, которые проводились на предприятиях и в организациях. При анализе итоговых резолюций этих мероприятий складывалась картина массовой поддержки курса власти и всенародного осуждения деятельности подсудимых, с требованиями жестокого, но «справедливого возмездия».

Донесения, представленные информаторами в региональные партийные комитеты, фиксировали различные высказывания, выкрики с места в ходе собраний и разговоры среди горожан, которые часто не соответствовали присылаемым официальным отчетам.

Информаторы, представившие свои сводки в Астраханский ГК ВКП(б) в связи с формированием доклада «О ходе разъяснения материалов над антисоветским троцкистско-параллельным центром», отмечали различные «негативные высказывания и рассуждения» по отношению к процессу.

Некоторые выступающие сочувственно отнеслись к участникам процесса. На общем собрании банщик З. (баня № 10) заявил: «Троцкистов расстреливать не надо, а лучше их послать в лагерь, и там их перевоспитать». Бухгалтер астраханского хлебозавода № 4 в разговоре сказала: «Хорошо, что во время митинга у меня был выходной день, а то я бы не голосовала за расстрел Пятакова». В Саратове на заводе Комбайнов рабочий говорил, что «троцкистов надо разделять, к руководителям применять высшую меру, а остальных просто изолировать. И вообще вопрос о бдительности ставится только в низах, а в верхах троцкистов скрывают» [8, л. 188].

Ряд горожан с недоверием относились к ходу самого процесса. Уборщица в Астраханском горсовете сказала, что «подсудимые на процессе были под наркозом, а то иначе бы, они ничего не сказали» [14, л. 167]. В Саратове на заводе им. Ленина рабочий рассуждал: «Вы думаете, что в газетах пишут в отношении подсудимых, правда? Нет, то, что на самом деле они говорили, здесь не написано, а написано то, что в интересах партии» [10, л. 6].

На этом фоне некоторые горожане не верили в осуществление столь суровых приговоров. На собрании в астраханском трамвайном парке служащий сказал: «Что из того, что судят, все равно не расстреляют, а приговором только замазывают глаза». На общем собрании астраханского рыбокомбината им. Микояна агитатор выкрикнул с места: «Троцкистов не расстреляют, как не расстреляли Зиновьева и Каменева» [15, л. 68].

Некоторые трудящиеся проявляли равнодушие по отношению к политическим процессам. На митинге в управлении Волго-Каспийского треста после доклада на вопрос председателя собрания: «Кто хочет выступить по теме доклада?», бухгалтер одного из рыбзаводов ответил: «Что тут выступать, все равно расстреляют». На общем собрании завода им. Ф. Энгельса с места были слышны реплики: «Товарищ поллитрук, нельзя ли покороче?» [15, л. 63, 64].

Особо обращалось внимание на высказывания горожан, которые относились негативно к политике власти, а часто вместе с этим с симпатией к подсудимым. В Астрахани во время общего собрания в одной организации выступающий З. отметил: «Троцкий, Зиновьев и Каменев имеют огромные заслуги в организации Советской власти и Красной Армии» [14, л. 101]. Плотник завода им. Х лет Октября в Астраха-

ни высказал свою точку зрения: «Прежде, чем расстрелять троцкистов, нужно расстреливать всех, кто сидит в правительстве» [15, л. 58].

На одном из митингов рабочий подвел итог: «Довольно агитаций, что думаете, что Троцкий – дурак. Если он захочет, то Советскую власть загонит в доску» [14, л. 192]. Экспедитор Хлеботорга соглашался с ним: «Троцкий – прав, он задумал свергнуть Советскую власть и бьет ее до конца, а Радек и Рыков шатаются туда-сюда, и толку от них нет» [15, л. 60]. Бухгалтер на общем собрании сказал: «Троцкий – революционер и лучший соратник Ленина!», а один рабочий не понимал: «Троцкому доверили ответственный участок работы, он был в партии, почему же его все-таки выслали?» [3, л. 1]. В Астраханском медицинском институте студент на занятии открыто заявил, что «первыми организаторами были и есть Троцкий и Зиновьев» [21, л. 9].

В Саратове информаторы отмечали аналогичную ситуацию. В докладной записке в Саратовский обком ВКП(б) говорилось: «На собрании студентов Института советского строительства военрук подчеркнул заслугу Троцкого в деле организации Красной Армии». В Саратовском автодорожном институте в докладе, посвященном годовщине образования Красной Армии, докладчик И. рассказывал как к ним на фронт приезжал Троцкий и организовал 25-ю чапаевскую дивизию» [7, л. 18].

В Саратове в общежитии завода им. Ленина рабочий говорил соседям: «Троцкий – друг рабочих. Что это за жизнь при Советской власти, когда капуста стоит два рубля» [10, л. 29]. При разговоре о процессах по делу троцкистов один рабочий сказал: «Хорошо было бы, если бы правительство расстреляло эту сволочь». А другой рабочий ему возражал: «Как же так, ведь Троцкий здорово помогал, если бы не он, то, пожалуй, ничего бы и не вышло» [8, л. 201].

Во время работы кружка по политическому просвещению на одном из предприятий Саратова рабочий сказал: «Троцкий боролся за благо народа, сидел в тюрьме. Я никак не пойму за что судят людей, которые были с Троцким. За границей буржуазная власть, а троцкисты на свободе, и никто его (Троцкого) не убивает, а у нас целый суд организовали». В беседе с членом ВКП(б) рабочие Сарлескомбината возмущаясь, задавали ему следующие вопросы: «Почему изъяты книги, написанные Пятаковым и Радеком? Почему на заводе проводят закрытое партсобрание, это ведь идет в разрез с Конституцией? Не могу понять, как так произошло, что мировой признанный вождь и вдруг осужден? (о Радеке)» [10, л. 61]. Рабочий завода им. Ленина недоумевал: «Мне как-то не верится, чтобы Каменев, Зиновьев и другие встали на такую точку зрения как террор» [8, л. 196].

Неполный вышеперечисленный перечень выступлений, высказываний и рассуждений горожан на собраниях, митингах, в частных разговорах и переписках показывает неоднородность мнений по отношению к процессам и его участникам. Несмотря на одностороннее освещение процессов, мы можем наблюдать как искренне негативное отношение, равнодушие, так и сочувствие к участи вчерашних лидеров страны, непонимание и неприятие происходящего на фоне авторитетности личностей подсудимых.

Стоит отметить, что за высказываниями многих горожан скрывается недоверие к власти и недовольство сложившейся социально-экономической ситуацией, выразившейся в кризисе снабжения продовольствием и повседневными товарами. Как и ранее, это обстоятельство использовала сама власть, которая в очередной раз призвала искать виновников случившегося среди внутренних врагов.

Поддержке этого курса активно способствовала местная пресса. В 1937 г. в редакцию газеты «Коммунист» пришла корреспонденция «Саботажников к ответу», в которой описывалась ситуация со снабжением продовольствием и спецодеждой рабочих-ловцов. В статье делался вывод, что прежнее «троцкистское руководство» только и говорило рабочим-ловцам о временных трудностях, но прошлое «троцкистское» наследство осталось в Астрахани и поэтому ситуация со снабжением очень плохая. Нужно проявлять классовую бдительность и выявлять вредителей-троцкистов [17, л. 110].

В Астрахани в начале 1938 г. стали наблюдаться перебои со снабжением керосина. Горожане стояли в очередях по 8–10 ч. Кризис был вызван невыполнением поставок из центра (вместо требуемых 400 т, поставили всего 180 т). Однако в местной прессе обвинениям подвергся отдел городской торговли (горторг). В отчете ГК ВКП(б) говорилось: «Они (работники горторга) сочли, наверное, торговлю керосином не особо важным для населения делом и ошибочно думают, что этот вопрос умышленно отнесен в политическую сторону с целью возмущения и недовольства трудящихся Астрахани, учитывая наплыв разного происхождения людей». Местная пресса по поводу кризиса писала следующее: «Это близорукость и злой умысел наших астраханских бюрократов, так как эти нездоровые моменты используют для антисоветской пропаганды, здесь результат работы наших врагов – троцкистско-бухаринских последышей» [13, л. 40–41].

Ряд горожан поддержал предложенную форму борьбы с повседневными трудностями. В своем письме солдат-астраханец писал: «Из полученных последних писем, мне писали, что у вас там нет ни мыла, ни сахара, ни керосина, ни даже спичек. Меня это очень поражает. Я думаю, что после этого нетерпимого случая не будет ли открыта новая «астраханщина», других мыслей и предположений быть не может, ибо это будет смешно и глупо думать о том, что у нас спичек не стало. Безусловно, здесь играет рука самого врага, борющегося против нашей счастливой и цветущей страны человечества» [22, л. 16].

Многие трудящиеся, в уже привычном стиле, писали коллективные письма с просьбами о помощи в решении бытовых проблем. В Сталинградский обком ВКП(б) пришло письмо в августе 1937 г. от рабочих Камарданского рыбзавода следующего содержания: «Просим обратить ваше внимание на работу аппарата Волго-Каспийского треста (ВКтрест). У нас пять лет назад начато строительство общежития, оно до сих пор не достроено, несмотря на то, что план в 1935 и 1936 гг. мы перевыполнили... Мы видим, что рука врага еще существует в ВКтресте, и это видно из того, что уже второй месяц не видел рабочий зарплаты по вине руководства» [12, л. 28].

В ходе дискуссий, которые касались производственных проблем или организаций труда, выступавшие на собраниях горожане свою точку зрения подкрепляли соответствующими идеологическими штампами.

На общем собрании Микояновского РК ВКП(б) выступающий сказал: «ТЭЦ до сих пор не работает, не даром ее стали называть "седобородой". Я считаю, что здесь дело рук троцкистов из Наркомтяжпрома. Я считаю, что троцкисты умышленно затягивают строительства, а горком и райком партии не поняли этого и в конечном итоге не сумели добиться ускорения строительства» [20, л. 51].

На общем собрании трудящихся рыбзавода ВКтреста рабочий возмущался: «Плохие заработки рабочих в результате низких расценок... Мы сейчас работаем по расценкам, подписанным врагами народа, а их не пересматривают!» [19, л. 12].

На заседании общегородского актива ВЛКСМ в Астрахани выступающий А. следующим образом аргументировал неудовлетворительную работу речников: «И. – бывший секретарь горкома партии – враг народа. Он держал ставку на М. Вот вам флот, флот, расставленный М. до моря является вредным, потому что им руководит М.» [21, л. 224].

Большинству техногенных чрезвычайных ситуаций после расследований давалась террористическая характеристика, а многие невинные горожане понесли наказание. В 1938 г. в Саратове от взрыва паровых котлов на Крытом рынке пострадали 144 человека. Всем арестованным было предъявлено обвинение в участии в антисоветской правотроцкистской диверсионно-террористической организации [1].

В Астрахани на общем собрании докладчик отмечал: «В нашей организации комбината Микояна враги свили себе гнездо. Мы провели перевыборы, но получили новый удар. Вчера был взрыв на заводе. Значит враг еще с нами, и мы его не видим» [21, л. 191].

Вышеприведенные факты, изложенные в прессе, в письмах и в высказываниях, должны были подтолкнуть трудящихся к очередному «усилению бдительности» и уже ранее используемому поиску «врагов» среди окружающих, особенно в рабочих коллективах. Для этого применялся давно зарекомендовавший себя метод «чистки кадров» на собраниях, а иногда и на митингах.

Т.М. Смирнова отмечает, что «в ответ на призыв "выявлять" замаскировавшихся врагов в конце 1920-х и, особенно в начале 1930-х гг., в редакции газет, в комиссии по чистке и другие инстанции потоком шли доносы на соседей, сослуживцев, случайных знакомых с сообщением о том, что тот или иной человек скрывает свое истинное "социальное лицо" или имеет "подозрительное социальное происхождение". При этом социально-чуждым объявлялся всякий, кто чем-то не угодил доносчику» [25, с. 197].

Политические процессы второй половины 1930-х гг. выступили катализатором новой, самой массовой волны «разоблачений и чисток». В Астрахани на заводе им. Ф. Энгельса выступающий С. не только «разоблачал», но и критиковал кадровую политику краевого руководства: «У нас на заводе не благополучно обстоит дело с планированием. Там работают Т. – сын кулака, С. – исключен из партии, М. – имеет десять лет за контрреволюционную деятельность. И вообще все наши бывшие руководители принадлежат к троцкистам. Почему к нам в Астрахань посылают людей, имеющих «большой багаж». В этом повинен краевой комитет партии, который недостаточно проверяет людей. А ведь у нас в Астрахани и без того имеется масса людей «с прошлым» [20, л. 51].

Его поддержал другой выступающий, который обратил внимание на сбой в работе бухгалтерии: «Я считаю, что Л. явный меньшевик. Вот подходят к нему рабочие спрашивают: "Товарищ Л. когда же будет зарплата?", а он им отвечает: "Что вы спрашиваете меня, когда будет зарплата, ведь вы сами хозяева, все забрали в свои руки, так теперь и получайте зарплату"» [20, л. 14].

В докладной записке «О состоянии дел в трамвайном парке», направленной в астраханский ГК ВКП(б) и датированной 2 марта 1937 г. говорилось: «Сцепщик вагонов – эсер, в феврале месяце при выходе вагонов на трамвайное кольцо он допустил вредительскую сцепку вагонов, в результате чего второй вагон оторвался. Билетный контролер – исключен из партии, ведет себя вызывающе. Членов партии называет "шкурниками", среди рабочих ведет антисоветские разговоры смысл, которых сводится к фразам: "люди гибнут с голоду, жить стало плохо и т.д."» [16, л. 12].

В общем, можно констатировать, что одним из векторов «разоблачений» было выявление виновных, допустивших недостатки в своей производственной деятельности. На более высоком уровне репрессиям подвергались хозяйственные и партийные руководители, не выполнившие план социального или экономического развития отрасли. Их обвиняли в участии в различных «вражеских» партиях и организациях.

Для предотвращения «вылазок врагов» на предприятиях и в организациях от трудящихся требовалось заранее «разоблачать вредителей», проявляя в очередной раз бдительность. К этому призывало партийное руководство и администрация организаций. На общем собрании завода им. К. Маркса докладчик резюмировал: «У нас на заводе имеется 19 человек исключенных из партии, которые могут вести контрреволюционную политику. Нам нужно повысить бдительность и за коммунистами. В Астрахани были Раковский, Шляпников, не может быть, чтобы они ничего не оставили» [23, л. 42].

Под подозрение попадали не только горожане «несоответствующего социального происхождения» или «люди с прошлым багажом», но и имевшие неосторожность высказывать критические замечания в сторону власти. На общем партийном собрании на заводе им. К. Маркса выступающий «разоблачал» одного из коллег: «У нас есть один сотрудник Л., который после прочтения материала о процессе сказал: "Был бы Ленин, тогда было бы хорошо, а что такое Сталин?"» [23, л. 43].

На общем собрании рабочему заводу им. Ленина приписали высказывание: «Профессоры опыты проводят на животных, а Ленин – на людях!» [14, л. 11]. Работник Лесозавода № 3 докладывал, что «28 августа я открыл троцкистско-зиновьевское охвостье рабочих... А дело было так. Один из рабочих в перерыве сидел и читал газету, я подошел, чтобы взять свою, а он мне сказал: «Да, неправильно осудили 16 человек к расстрелу, их бы надо судить всемирным Конгрессом, так как они мировые борцы, социал-революционеры» [17, л. 238].

Некоторым трудящимся припоминали их критические замечания в прошлом. На одном из общих собраний работник утверждал, что «директор трампарка, член ВКП(б) в период прохождения XV съезда партии говорил: «Почему не допускают программу в печать, если бы она была напечатана, мы могли с ней познакомиться. Неужели оппозиция желает худшего? Вот, например, Раковский, он же боролся с буржуазией, а когда приехал, его все контрреволюционером считают». На другом собрании сообщалось, что рабочий сухогрузной пристани Б. в 1928–1929 гг. говорил: «Жить стало трудно рабочему классу, потому что у власти находятся коммунисты. Придет время, и мы вас будем вешать на первом столбе». На общем собрании Лесозавода № 2 комсомольцу Л. припомнили его высказывание на уроках политической пропаганды в 1930 г., он говорил: «Построить коммунизм в нашей стране при капиталистическом окружении невозможно!» [14, л. 43, 136, 186].

Директора Астраханского автодорожного рабфака обвиняли в том, что в 1930 г. он говорил: «Прав Троцкий, что в одной стране невозможно построить социализм. ЦК ведет неправильную политику по отношению к крестьянству. С крестьян дерут три шкуры, поэтому справедливо правые уклонисты обвиняют ЦК» [15, л. 27]. Некоторые обвинения доходили до абсурда. Завхоза одной из больниц в Астрахани обвинили «в хранении спичечной коробки старого (дореволюционного) образца» [15, л. 11].

Проходившие политические процессы способствовали повышению активности трудящихся в деле выявления «врагов». Однако многие горожане были движимы не только «высшей» коммунистической идеей и проявлением требуемой «бдительности». Мотивы изобличения «врагов» были разными. Так, используя во взаимных обвинениях соответствующую терминологию, решались трудовые споры.

В мае-июне 1938 г. в Астраханском аэроклубе произошел скандал между начальником аэроклуба и председателем партийной организации (парторгом). Обе стороны использовали для доказательства своей правоты письма-жалобы и требовали освободить оппонента от занимаемой должности. В своих жалобах начальник аэроклуба указывал на аморальное поведение парторга (постоянное пьянство) и слабую идеологическую работу среди сотрудников и курсантов. Парторг в письмах обвинил начальника во вредительстве, указывая на то, что были привлечены на работу социально чуждые элементы. В письме говорилось: «Некоторые представители технической части – бывший белогвардеец, брат кулака, бывший торговец и т.д. во время проведения займа для обороны страны говорили: «Что люди голодают, а вы тут ходите с подпиской». На мой вопрос: «Кто голодает?», последовал ответ: «Да люди, и мы здесь плохо кормимся!» [17, л. 29–35]. К сожалению, неизвестен итог конфликта в аэроклубе, но, скорее всего, оппонентам вместе работать было не суждено.

Часто мотивами были обида или «несправедливое» отношение к «разоблачителю». В августе 1939 г. бюро Трусовского РК Астрахани воздержалось от приема в партию рабочего В. В заключении он произнес следующую речь: «Мне безразлично примите или нет в партию. Я человек рабочий, я болею душой за производство. Меня вы не приняли в партию, а вот сына кулака К. вы приняли. Его отец был лишен избирательных прав, так как имел три мастерских и наемную силу». Итогом этого «разоблачения» стало исключение К. из партии, но и В. в партию принят не был [19, л. 83].

Нередко мотивацией являлась зависть или попытка решить собственные бытовые проблемы. В 1938 г. в Астраханский ГК ВКП(б) поступило письмо-жалоба следующего содержания: «Гражданин Ж. до революции имел свой магазин, был купцом,

и сейчас живет как барин. С мая 1937 г. работает старшим продавцом, а жена его работает портнихой и обшивает исключительно нужных людей у себя на дому».

Далее автор письма задается вопросом: «Вообще, что из себя представляет этот дом по улице Красная Набережная №.?.», и дает следующее описание: «Это остатки "монастырских стен", где тайно и нелегально творятся разные темные делишки. Проживая, с мая в 1937 г., я успела насмотреться, как эти люди делали ремонт. Они имеют хорошую обстановку, патефон и импортные пластинки. Если устраивают попойки, то приглашают нужных людей. Мой муж подавал заявление в горфинотдел, но результата никакого. А гражданин Ж. с женой продолжают жить и поживать за "монастырской стеной"» [11, л. 2–3].

В общем, во второй половине 1930-х гг. горожане достаточно хорошо были информированы о проходящих судебных процессах. Большая часть трудящихся принимала участие в собраниях и митингах, посещали занятия по политическому просвещению, на которых рассматривался ход политических процессов. Судебные процессы второй половины 1930-х гг. отличались от предыдущих степенью авторитетности обвиняемых, которые еще в недавнем прошлом были героями гражданской войны или управляли страной.

Несмотря на принятие одобрительных и поддерживающих власть резолюций, стоит отметить неоднородность оценок горожан по отношению к судебным разбирательствам и личностям подсудимых. У ряда трудящихся наблюдалось некоторое двухуровневое отношение к участникам политических процессов. Журналист А. Давидьянц вспоминает: «Когда читали отчеты о громких политических процессах в Москве, верили партии! Но вот приходишь в редакцию и видишь на стене: в связи с утерей политического доверия уволить и имя... За что? Почему? Этого не объясняли. Твое сердце с товарищем, но тебе говорят: "Так надо, зря не возьмут"» [24].

Политические процессы стали катализатором нового витка многочисленных «разоблачений врагов» и «проявлением бдительности» на предприятиях, в организациях и среди собственных соседей. Несмотря на неоднозначное отношение к деятельности обвиняемых многие горожане решали свои повседневные проблемы во второй половине 1930-х гг. при помощи «разоблачений», жалоб и доносов на «врагов народа» и тем самым способствовали раскручиванию маховика массовых репрессий.

Политические процессы и стиль поведения горожан – все это вместе способствовало еще большему нагнетанию ситуации, увеличению милитаризации сознания в обществе. На различных собраниях все чаще можно было услышать от докладчиков следующую информацию: «...В Сталинграде в пединституте была организация, в задачах которой было свержение Советской власти и теракты. В Астраханском пединституте организация проводила контрреволюционную агитацию» [21, л. 180, 19] и т.п. Регионы периодически сотрясали местные судебные разбирательства.

Простая халатность или некомпетентность, «не соответствующее социальное происхождение» или неосторожное критичное замечание, зависть, обида, месть сослуживца или соседа могли обернуться для человека не только увольнением с работы со всеми вытекающими последствиями, как в начале 1930-х гг., но лишением свободы и жизни, что стало достаточно распространено во второй половине 1930-х гг.

У ряда горожан этот период остался в памяти, как у астраханки В.Э. Сустриной. Она в своих воспоминаниях следующим образом описывала конец 1930-х гг.: «Прошли страшные 1937–1938 гг., такие годы, которые и нам детям (тогда) запомнились какими-то темными, беспокойными, страшными. В рисунках на школьных тетрадях мы искали и «находили» зашифрованные рисунки и слова против Советской власти. Шепотом передавали новости, у кого забрали отца или нет» [2, л. 92].

Список литературы

1. Азев В. Никто не хотел убивать. Саратовские вести. – Саратов. – 1993. – Июнь.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 866. – Оп. 1. – Д. 1.
3. ГААО. – Ф. 1359. – Оп. 1. – Д. 472.
4. ГААО. – Ф. 1833. – Оп. 1. – Д. 4.

5. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 734.
6. ГАНИСО. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 843.
7. ГАНИСО. – Ф. 594. – Оп. 1. – Д. 314.
8. ГАНИСО. – Ф. 594. – Оп. 1. – Д. 578.
9. ГАНИСО. – Ф. 594. – Оп. 1. – Д. 1386.
10. ГАНИСО. – Ф. 972. – Оп. 1. – Д. 33.
11. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 86.
12. ГАСД АО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 142.
13. ГАСД АО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 168.
14. ГАСД АО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 170.
15. ГАСД АО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 171.
16. ГАСД АО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 231.
17. ГАСД АО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 286.
18. ГАСД АО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 352.
19. ГАСД АО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 387.
20. ГАСД АО. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 16.
21. ГАСД АО. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 42.
22. ГАСД АО. – Ф. 2086. – Оп. 1. – Д. 155.
23. ГАСД АО. – Ф. 2949. – Оп. 1. – Д. 4.
24. Давидьянц А. По суровым законам кого-то. Железнодорожник Поволжья / А. Давидьянц. – Саратов, 1989.
25. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России / Т. М. Смирнова. – Москва, 2003.

References

1. Azef V. *Nikto ne hotel ubivat. Saratovskiyе vesti*. Saratov, 1993, June.
2. *State Archive of Astrakhan oblast (GA AO)*. F. 866, Op. 1, D. 1.
3. *GA AO*. F. 1359, Op. 1, D. 472.
4. *GA AO*. F. 1833, Op. 1, D. 4.
5. *State Archive of Saratov oblast Modern history (GANISO)*. F. 136, Op. 1, D. 734.
6. *GANISO*. F. 136, Op. 1, D. 843.
7. *GANISO*. F. 594, Op. 1, D. 314.
8. *GANISO*. F. 594, Op. 1, D. 578.
9. *GANISO*. F. 594, Op. 1, D. 1386.
10. *GANISO*. F. 972, Op. 1, D. 33.
11. *State Archive of modern documentation of Astrakhan oblast (GASDAO)*. F. 6, Op. 1, D. 86.
12. *GASDAO*. F. 6, Op. 1, D. 142.
13. *GASDAO*. F. 6, Op. 1, D. 168.
14. *GASDAO*. F. 9, Op. 1, D. 170.
15. *GASDAO*. F. 9, Op. 1, D. 171.
16. *GASDAO*. F. 9, Op. 1, D. 231.
17. *GASDAO*. F. 9, Op. 1, D. 286.
18. *GASDAO*. F. 9, Op. 1, D. 352.
19. *GASDAO*. F. 9, Op. 1, D. 387.
20. *GASDAO*. F. 17, Op. 1, D. 16.
21. *GASDAO*. F. 47, Op. 1, D. 42.
22. *GASDAO*. F. 2086, Op. 1, D. 155.
23. *GASDAO*. F. 2949, Op. 1, D. 4.
24. Davidyantz A. *Po surovym zakonam kogo-to. Zheleznodorozhnik Povolzhiya*. Saratov, 1989, February.
25. Smirnova T.M. *“Byvshiyе lyudi” Sovetskoy Rossyi*. Moscow, 2003, 296 p.

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ Н.В. УСТРЯЛОВА: ФИНАЛ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Антропов Олег Константинович, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: kaspregion@inbox.ru

Николай Васильевич Устрялов был оригинальным и глубоким политическим мыслителем. По его мнению, революция – не результат жидо-масонского заговора, а итог развития России за столетия, разрешение многовековых противоречий, назревших в российском обществе. Устрялов считал, что советский социализм будет преодолен ходом экономического и социального развития общества, в нем самом зреет его отрицание по диалектике Гегеля. Так Устрялов предугадал советскую перестройку 1980-х и события 1990-х гг. в России.

Ключевые слова: национал-большевизм, бонапартизм, рыночная экономика, идея государственности, фашизм, социализм.

NATIONAL BOLSHEVISM OF N.V. USTRYALOV: FINALS OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Antropov Oleg K., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: kaspregion@inbox.ru

Nikolai Ustryalov was an original and profound political thinker. According to him, the revolution is not the result of Judeo-Masonic conspiracy, but a result of Russia's development over the centuries, many centuries of conflict resolution in Russian society. Ustryalov believed that Soviet socialism will be overcome by course of economic and social development. So Ustryalov foresaw the Soviet perestroika of the 1980s and the events of the 1990s in Russia.

Keywords: National Bolshevism, Bonapartism, the market economy, the idea of statehood, Fascism, Socialism.

Основоположником и главным теоретиком русского национал-большевизма был Николай Васильевич Устрялов (1890–1937). Этот выдающийся русский политический мыслитель пророчески предсказал эволюцию коммунистического режима в нашей стране от тотального интернационализма и русофобии к патриотизму, от антигосударственной политики разрушения «старого мира» к созданию новой империи на обломках старой дореволюционной государственности.

После окончания юридического факультета Московского университета в 1913 г. Устрялов сотрудничал с либеральной печатью: журналом «Русская мысль» и газетой «Утро России». В 1917 г. вступил в партию кадетов, возглавил ее калужскую организацию. В 1918–1920 гг. был председателем Восточного отдела ЦК партии кадетов, возглавлял «Русское бюро печати» в правительстве Колчака, являлся издателем и редактором газеты «Русское дело». В годы Первой мировой войны и в период Февральской революции 1917 г. Устрялов – ортодоксальный правый кадет: «он последовательно отстаивает ценности либеральной демократии (которые очень скоро будут блистательно развенчивать), но в то же время – и необходимость сильного государства, способного справиться с разрухой и довести войну до победного конца» [3, с. 12]. В 1917 г. Устрялов заявил о необходимости установления в стране диктатуры, которая предотвратит национальную катастрофу.

В начале 1920 г. Устрялов эмигрировал в Харбин, в 1920–1934 гг. – профессор Харбинского университета, одновременно с 1928 г. – директор центральной библиотеки КВЖД. Проживая в эмиграции в Маньчжурии, Устрялов сотрудничает с газетой «Новости жизни» и журналами «Сунгарийские вечера», «Вестник Маньчжурии»,